

Актуальные вопросы арбитража в практике государственных судов

М. А. КУЛЬКОВ, управляющий партнер юридической фирмы «Кульков, Колотилов и партнеры»; m.kulkov@kkplaw.ru

С. В. ЛЫСОВ, юрист юридической фирмы «Кульков, Колотилов и партнеры»; s.lysov@kkplaw.ru

Авторы предлагают обзор наиболее интересных недавних дел, связанных с вопросами признания и отмены в России решений международных коммерческих арбитражей и третейских судов. Обзор подготовлен юридической фирмой «Кульков, Колотилов и Партнеры».

Ключевые слова: альтернативная арбитражная оговорка, полномочия на подписание арбитражного соглашения, беспристрастность арбитров, арбитрабельность споров, отмена арбитражных решений.

1. Седьмой Арбитражный апелляционный суд подтвердил действительность альтернативной оговорки о разрешении споров.

17 июня 2016 года Седьмой Арбитражный апелляционный суд подтвердил действительность альтернативной оговорки о разрешении споров и выдал исполнительный лист на решение третейского суда (дело № А27-25441/2015).

Спор возник между несколькими нефтяными компаниями и банком. Третейская оговорка предусматривала разрешение споров либо в Арбитражном суде Кемеровской области, либо в Независимом третейском суде при ООО «Арбитр» по усмотрению истца. Истец выбрал третейское разбирательство. Решение было вынесено в его пользу и он обратился в Арбитражный суд Кемеровской области за выдачей исполнительного листа на решение третейского суда.

Должник заявил в суде, среди прочего, что альтернативная третейская оговорка недействительна и не могла быть заключена. Во-первых, стороны не договорились о конкретном способе разрешения споров, следовательно, соглашение было неопределенным и неточным. Во-вторых, односторонний выбор способа разрешения споров истцом привел к нарушению баланса прав сторон в процессе.

Суд первой инстанции отклонил данные доводы и выдал исполнительный лист на решение, указывающее на то, что соглашение, дающее право истцу выбирать способ разрешения спора, не является неопределенным и ассиметричным, поскольку указание на место разбирательства было достаточно четким и любая из сторон договора потенциально могла стать истцом. Апелляционный суд согласился с доводами нижестоящего суда.

Данное дело отличается от дела № А40-492232011 (спор РТК с Сони Эриксон), где Высший Арбитражный Суд РФ в 2012 году постановил, что альтернативная оговорка недействительна, поскольку нарушает принцип равноправия сторон. Однако в споре РТК с Сони Эриксон соглашение сторон предусматривало, что только одна сторона (Сони Эриксон) могла выбирать форум для разрешения споров, в то время как другая сторона была лишена этого права.

Анализируемое решение подтверждает право сторон использовать альтернативные оговорки, предусматривающие равные возможности для выбора места разрешения споров сторонам.

2. Арбитражный суд Северо-Западного округа, несмотря на позицию Конституционного Суда РФ, отказал в приведении в исполнение арбитражного решения по причине неарбитрабельности споров, связанных с недвижимым имуществом.

14 марта 2016 года Арбитражный суд Северо-Западного округа отказался приводить в исполнение решение третейского суда, ссылаясь на неарбитрабельность спора, связанного с правами на недвижимое имущество в силу его публичной природы (дело № А42-7809/2015).

Спор возник между индивидуальным предпринимателем (продавец) и компанией (покупатель) из договора о продаже недвижимости. Покупатель исполнил свою часть договора и оплатил недвижимую вещь, в то время как продавец не зарегистрировал переход права на недвижимое имущество в ЕГРП.

Согласно третейской оговорке покупатель обратился с иском в «Северо-Западный третейский суд» при ЗАО «Полярная инновационная компания», последний вынес решение в пользу покупателя, установив, что ему принадлежали права собственности на недвижимость.

Арбитражный суд Мурманской области выдал исполнительный лист на арбитражное решение. Должник подал кассационную жалобу, и Арбитражный суд Северо-Западного округа отменил решение суда первой инстанции, отказав в выдаче исполнительного листа. Суд постановил, что решение третейского суда, устанавливающее право собственности, привело бы к переходу титула собственника и наложило бы на регистрационный орган обязанность зарегистрировать такой переход. Суд пришел к выводу, что государственная регистрация — единственное свидетельство существования права собственности и представляет собой признание и подтверждение такого права государством. Данный акт относится к созданию, переходу и прекращению прав собственности, следовательно, решение третейского суда имеет публичный эффект и носит публичную природу, что делает его неарбитрабельным.

Данное решение противоречит постановлению Конституционного Суда РФ № 10-П от 26 мая 2011 г., в котором признана возможность передавать споры, связанные с правами на недвижимое имущество, на рассмотрение третейских судов. В указанном деле Конституционный Суд РФ указал, что государственная регистрация прав на недвижимость не меняет частного характера спора и не делает его публичным. Данное противоречие в актах судов может свидетельствовать о дальнейшем усилении тенденции ограничения сферы арбитрабельных споров.

3. Верховный Суд РФ высказался относительно необходимости наличия специальных полномочий на подписание третейского соглашения.

Коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ постановила, что компания не связана третейским соглашением, заключенным от ее имени лицом, действующим на основании генеральной доверенности и не имеющим на это специальных полномочий (дело № 309-ЭС15-12928).

Унитарное предприятие «Ижводоканал» (взыскатель) обратилось в Арбитражный суд Удмуртской Республики за признанием и приведением в исполнение решения, вынесенного Третейским судом при ООО «Юридическая служба города» против ООО «Управляющая компания Эксперт» (должник). Должник оспорил решение, ссылаясь на то, что третейская оговорка была подписана неуполномоченным лицом.

Рассматривая доводы должника, Верховный Суд РФ подчеркнул, что согласие на третейское разбирательство является ключевым принципом, на котором основана российская система третейских судов, и согласие должно быть четко выраженным. Из этого следует, что лицо, подписывающее третейскую оговорку, должно быть специально уполномочено на это. Поэтому, по мнению Верховного Суда РФ, доверенность подписывающего лица должна содержать специальное полномочие на подписание третейского соглашения.

Примечательно, что данный вывод Верховного суда противоречит более ранним решениям высших российских судов. Так, 12 августа 2011 года Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении по делу № А40-12311/2010 указал, что генеральная доверенность, содержащая полномочия на подписание всего контракта, также подразумевает подписание третейского соглашения.

Новая правовая позиция может привести к массовому оспариванию действующих третейских оговорок на том основании, что на момент заключения договора в доверенности отсутствовали специальные полномочия на подписание соглашения о рассмотрении спора третейскими судами.

Тем не менее, рассматриваемое определение Верховного Суда РФ вселяет оптимизм относительно применимости принципа «эстопель» к третейскому разбирательству, поскольку в нем разъяснено, что должник не может оспаривать существование третейского соглашения, если он был активно вовлечен в третейское разбирательство и не заявлял возражений относительно заключенности третейской оговорки до стадии исполнения решения. Использование должником подобной позиции является злоупотреблением правом.

4. Верховный Суд РФ поддержал решения нижестоящих судов, отказывая в признании и приведении в исполнение арбитражного решения из-за нарушения принципа беспристрастности.

17 мая 2016 года в деле № А40-102676/2015 Верховный суд РФ поддержал решения нижестоящих судов, отказывая в признании и приведении в исполнение арбитражного решения из-за нарушения принципа беспристрастности.

Спор возник между латвийским банком и российскими компаниями из кредитных договоров. Арбитражное соглашение предусматривало Арбитражный суд Ассоциации латвийских коммерческих банков (Ассоциация) в качестве форума для разрешения споров.

Арбитраж вынес решение в пользу банка, который впоследствии обратился в российский суд за признанием и приведением в исполнение арбитражного решения.

Суды первой и кассационной инстанций отказали в приведении решения в исполнение ввиду нарушения, среди прочего, принципа беспристрастности арбитров.

Верховный суд согласился с позицией нижестоящих судов и выявил нарушение принципа беспристрастности, поскольку председатель управляющего совета банка входил также в управляющие органы Ассоциации и поскольку арбитр был назначен не сторонами, а председателем данного арбитражного института.

Отметим, что до 2014 года Верховный Суд РФ отказывал в признании и приведении в исполнение решения (или выдачи исполнительного листа для третейского разбирательства) в случае аффилированности арбитражного учреждения с одной из сторон спора (дела № А40-147862/12, № А56-48508/12). Таким образом, судебная практика признавала отсутствие объективной беспристрастности в качестве основания для отказа в приведении арбитражного решения в исполнение.

18 ноября 2014 года Конституционный Суд РФ в Постановлении № 30-П указал, что нарушение принципа беспристрастности может быть установлено только в отношении конкретного арбитражного института, не исключая организационную аффилированность в качестве доказательства. Суд также подчеркнул, что одного лишь факта, что сторона спора входит в состав органа управления организации, при которой создан арбитражный институт, недостаточно для установления аффилированности.

После принятия вышеупомянутого Постановления Конституционного Суда РФ российские суды изменили подход к объективной беспристрастности (дела № А67-1587/2014, № А56-48511/2012, где Верховный суд пояснил, что необходимо анализировать также субъективную беспристрастность отдельного арбитражного института).

Следовательно, Постановление Верховного Суда Российской Федерации в деле № А40-102676/2015 противоречит Постановлению Конституционного Суда РФ № 30-П, поскольку предусматривает организационную аффилированность в качестве основания для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения без каких-либо ссылок на субъективную беспристрастность отдельных арбитров.

Отсутствие единообразия в судебной практике по данному вопросу создает значительные риски для арбитражных соглашений, предусматривающих участие российской стороны в процессе в арбитражных институтах, созданных профессиональными ассоциациями.